

Радуга — во все небо...

Шум из вестибюля все еще глухо бьет в дверь гримерной.

Эти несколько минут Клавдия Константиновна сидит неподвижно. Показалось: отдыхает... Но ближе и ближе склоняется она к зеркалу — два лица будто в схватке: в глазах обоих дикий огонь купчихи Кабановой — резкие, злые лица, так не похожие на лицо Клавдии Константиновны. Она медленно начинает снимать грим. И с каждым движением руки словно расплывается Кабанова, уходит в память. А мне, признаюсь, бывает в такие моменты и грустно, и радостно. Грустно оттого, что исчез поразивший тебя образ и больше никогда его не увидеть, ибо в следующий раз актриса может сыграть лучше или хуже, но никогда — так же. Радостно оттого, что наконец-то, освободившись от Кабанихи, глянули пытливые и внимательные глаза друга...

А в дверь гримерной уже деловито стучат коллеги. «Клавдия Константиновна, я насчет завтрашнего партийного собрания», «Клавдия Константиновна, завтра едем на завод?», «Хочу с вами посоветоваться», и уж, конечно, кто-нибудь: «Вы играли сегодня замечательно»... И она уже в ритме этих забот, уже деловая, энергичная, только на похвалу ответит, словно отстранится: «Спасибо, спасибо»...

Почти двадцать лет знают

архангелогородцы заслуженную артистку РСФСР К. К. Кулагину. На сцену нашего театра она пришла уже с солидным актерским багажом. У нее были опытные, умелые учителя — народный артист СССР Л. С. Вивьен, заслуженный деятель искусств РСФСР Е. И. Тимме, заслуженный деятель искусств РСФСР Николай Александрович Смирнов. И теперь, через многие годы, очень часто возвращается Клавдия Константиновна к той встрече в ее юности... Опытный педагог и режиссер, Николай Александрович обратил внимание на девушку, с горящими глазами слушавшую каждое его слово. Он всегда радовался, когда видел такую влюбленность в театр. И потому подошел к ней и спросил: «Как вас зовут?». А она испугалась и машинально сказала так, как называли ее все студенты: «Клавочка»... Он рассмеялся — и больше они не расставались... И до сих пор каждый свой успех Клавдия Константиновна делит поровну со своим учителем и другом, хоть и делает это она вот уже девятый год в одиночестве...

Но не в том одиночестве, которое губит человека, лишает его радости жизни, а богатством памяти и благодарностью.

Не потому ли между всеми героинями заслуженной артистки РСФСР К. К. Кулагиной есть нечто общее. Будь то Со-

фья в «Зыковых», Вера Алексеевна Стессель в «Порт-Артуре», Матрена во «Власти тьмы», вплоть до последней — Мадам в спектакле «Три минуты Мартина Гроу» — все они люди незаурядные, сильные. У Кулагиной вообще нет ролей сереньких, неинтересных — не дают ей их, что ли... Галерея образов, которые создала Клавдия Константиновна на архангельской сцене — это как бы цепь непрерывного исследования человека в самых различных обстоятельствах. Человек — со всеми его достоинствами и недостатками, человек, который рожден для счастья, для лучшей жизни. Вкладывая в своих героинь ум, волю, энергию, актриса сама же вступает с ними в поединок, если эти героини противоречат ее гражданским позициям, ее предвзвешенно о долге, любви, дружбе. И в этом смысле Кулагина — артистка воинствующего характера. Нет, она никогда не осудит без долгих размышлений и без доказательств, потому что она всегда видит в человеке — Человека, попытается его объяснить, и когда нет оправданий — будет бескомпромиссна. Такова она и в жизни, и на сцене.

Когда в «Порт-Артуре» впервые на сцене появилась красавица Вера Алексеевна Стессель, очаровательная, умная, казалось, что актриса сама любит себя, что это наивысший момент ее собственного торжества. И не вдруг увиделось — но увиделось ясно, как от белого

веера «Стессельши», которым она искусно играла в такт интригам, по всей России потекла кровь... Актриса уже не обращала внимания на то, как красива ее героиня, — она выворачивала ее наизнанку, саркастически и беспощадно.

А как неистово тоскует К. К. Кулагина, когда сталкивается с судьбами несостоявшимися, погибшими. Как она стремится тогда сохранить в своей героине хоть каплю надежды, и когда это стремление напрасно, актриса достигает вершин трагизма. Так с великой горечью провела она перед нами старую хозяйку Нискавуори из пьесы финской писательницы Х. Вуолийоки «Каменное гнездо».

Исследуя своих героинь, К. К. Кулагина исследует саму жизнь во всей ее социальной сложности.

Как-то после спектакля «Егор Булычев» я спросила Клавдию Константиновну: «Как Вы, такая веселая, добрая, можете играть игуменью Меланью?».

— Ненавижу ее, вот и играю, — сердито ответила она.

Игуменья Меланья — один из самых сильных образов Кулагиной, в котором разоблачительная черта ее таланта раскрылась особенно гневно и открыто... Медленно кружила игуменья вокруг Булычева, как коршун, нацеливалась, ждала подходящий момент — умная, коварная, она страдала от собственного бессилия перед Булычевым, юродствовала, лгала, оговаривала. Вера в человека, любовь к нему — вот что и в этой роли, только сложнее высказанная, через от-

рицание всего злого, порочно-го, несправедливого.

...Медленно шла к нам скорбная мать греческого патриота Ламбрины Кирьякули, она не причитала, не посылая проклятий — но молчаливое горе ее эхом отзывалось в зале. И казалось, что перед нами не гречанка из спектакля «Остров Афродиты», а мать русских парней, погибших за свободу Родины. Ламбрины приходит просить английскую мать за своего сына, попавшего в плен к англичанам. Величественная, гордая.

Ни красивых поз, ни широкого эффектного жеста — вся она скопана огромным материнским горем. Лишь глаза выдают Ламбрину, огромные, в них горе и гнев, голос полон горечи. Сына убили... Зато у греческих повстанцев в плену сын той англичанки, Глории Паттерсон, которая отказалась ей помочь... Мать героя Кирьякули имеет право на месть, патриотка Ламбрины Кирьякули отказывается от этого во имя большой человеческой правоты — во имя самой высокой гуманности.

Образы, созданные К. К. Кулагиной, — это призыв к действию. Не только силой таланта, но силой своего убеждения напоминает она человеку о человеческом.

И так — во всем. Десять лет возглавляет она партийную организацию театра имени М. В. Ломоносова. Секретарь партбюро — это и руководитель, и воспитатель творческого коллектива. К ней не перестают идти люди: едва переступив порог дома, она сразу же берет трубку телефона. Поездка на завод, выбор репертуара, решение множества творческих вопросов — в этих делах та же высокая требова-

тельность и к себе, и к товарищам, — бескомпромиссность решений. А на рабочем столе ее — десятки писем, открыток, они идут ежедневно — и в праздники, и в будни. Сотни поздравлений пришли Клавдии Константиновне, когда зрители узнали, что она награждена орденом Трудового Красного Знамени. Люди писали о том, что их восхищает ее многокрасочный, яркий талант.

— Клавдия Константиновна, а как вы отыскиваете краски для своих героев, детали, жесты?

— Как? — она задумывается и, улынувшись: — На небе радуга, во все небо — сколько там красок? Красное — разве это только красное, синее — разве это только синее? А сколько полутонов, оттенков... И в жизни так же. Человек — он, как радуга.

В ее доме никогда не бывает одиноко. Там, где живет она, живут ее книги, ее роли, подарки друзей. И память о друге и учителе Николае Александровиче Смирнове. Сюда всегда тянутся люди. «Радуга — во все небо...».

Ведь это жизнь и самой Клавдии Константиновны.

Н. ОРЛОВА.

На снимке: заслуженная артистка РСФСР К. К. Кулагина.

Фото А. Вилючева.

